

Сардинское королевство и его экспедиционный корпус в Крымской войне в 1855—1856 гг.

В.Д. Матвеев

Минуло 150 лет с начала Крымской войны. Солидная дата, чтобы воскресить в памяти потомков исторические события того труднейшего военного времени для России, воздать должное беспримерному мужеству и стойкости русского народа, солдат и матросов, героически защищавших ее южные рубежи, впервые осажденный, но не покорившийся черноморский форпост — Севастополь.

Одновременно это и достаточный срок, чтобы восстановить и дополнить малоосвещенные до сих пор события и факты Крымской войны в нашей литературе, периодике, военной историографии, касающихся, в частности, участия Сардинского королевства (Пьемонта) и его войск в Крыму в 1855—1856 гг. на стороне англо-франко-турецкой коалиции. Спустя полтора века мы имеем довольно скудную, разрозненную и одностороннюю информацию по данной теме, практически не подтвержденную пьемонтско-итальянскими первоисточниками.

Сегодня далеко не просто найти ответы на такие, например, вопросы: что привело сардинские войска на берега Тавриды, почему они воевали здесь против России, причина их позднего вступления в войну, где конкретно и как воевали они под Севастополем, результаты и последствия участия Сардинского королевства в Восточной кампании для самих итальянцев.

Задача данной публикации — по возможности восполнить этот пробел, воссоздать политическую обстановку и действия правящих и военных кругов Сардинии, пославших значительную часть своей армии на Восточную (Крымскую) войну против России на ее заключительном этапе, а также результаты участия сардо-пьемонтцев в ней.

Итак, почему именно Сардинско-Пьемонтское королевство было избрано Англией и Францией в качестве их союзника в ходе Крымской войны, а не Австрия или Пруссия, которые бы более им подходили в этой роли на первый взгляд?

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала выясним, что заставило союзников искать нового партнера в войне против России в Крыму. Известно, что осенью 1854 г. англо-франко-турецкая коалиция в Крыму оказалась в сложном положении. С октября месяца в ходе упорных Балаклавского и Инкерманского сражений русские войска значительно потеснили боевые

позиции англичан и турок на их правом фланге. Контролируя важный плацдарм Федюхины высоты, Воронцовскую дорогу, русская армия с Мекензиевых гор создавала явную угрозу английскому базированию в Балаклаве и даже ее захвату.

Военный историк, участник Севастопольской обороны, офицер-артиллерист Н.С. Милошевич отмечал, что «после Инкерманского сражения в Крыму осталось не более 35 тыс. штыков в союзных армиях, считая до 23 тыс. французов и до 12 тыс. англичан, разбросанных от Балаклавы до Камышовой бухты, по Сапун-горе и траншеям перед Севастополем. Из осаждающих они перешли в положение осаждаемых...»¹.

О сложном, почти критическом положении, в каком оказалась английская армия в этот период свидетельствуют и английские источники. «Что касается итогов Балаклавского сражения, — пишет английская писательница С.Вудхем Смит, — то считается, что никто из противников не выиграл и не проиграл. Русские заняли редуты, но не Балаклаву, англичане их потеряли, но не Балаклаву, и никто не понял, что действительным и фатальным последствием сражения явилась потеря англичанами Воронцовской дороги... Но Балаклава была не только базой снабжения, но и единственным опорным пунктом английской армии. Балаклава была единственным портом, единственным складом, единственным арсеналом. Даже если бы командующий английской армией лорд Раглан мог бы разместить в ней 10 тыс. военнослужащих, военно-географическое положение Балаклавы все равно бы создавало проблемы. Но когда он выбрал ее в качестве базирования, он уже был стеснен в личном составе и вооружениях. Он мог оставить здесь лишь немногих защитников, и потому британская база представляла самое настоящее приглашение к русской атаке, поскольку в ней находились всего 550 штыков 93-го ирландского полка, 1000 солдат батальона инвалидов и 1100 турок»².

Понимая это, Англия и Франция стремятся срочно восполнить свои потрепанные армии в Крыму. Но если для Франции (где наряду с добровольным существовал всеобщий воинский призыв) это не представляло проблемы, то для Англии, где армия была небольшой и наемной, срочно набрать и подготовить значительный добровольный воинский контингент оказалось не под силу. Тем более, военные сообщения, впервые ежедневно приходившие в метрополию по проводной и телеграфной связи, свидетельствовали об удручающем положении союзников в Крыму вообще, и английских солдат в особенности. Англичане просто не желали добровольно, хотя и за деньги, воевать и погибать в Крыму, умирать от тифа и холеры.

Попытка английского военного ведомства срочно пополнить армию под Севастополем за счет набора легионеров из других европейских стран (преимущественно из Швейцарии и Германии) также не принесла удовлетворительных результатов. По этой причине, начиная с 1854 г. на протяжении двух месяцев, Англией и Францией велись активные поиски в Европе нового потенциального военного союзника.

Австрия, почти идеально подходившая для этой роли, заняла политику «двойного нейтралитета», не желая быть ни второстепенным союзником, ни открыто выступить против России. Вместе с тем, Австрия опасалась идти на тесное сближение со своими традиционными противниками, какими были для нее Англия и Франция. Тем не менее, Австрия, воспользовавшись ослаблением России на Балканах, заняла с согласия Турции Молдавию и Валахию, после ухода оттуда русских войск. Это вызвало крайнее недовольство англо-французских кругов, которые сами стремились к европейскому господству.

Пруссия также лавировала между двумя противоборствующими сторонами, обеспокоенная прежде всего растущим англо-французским влиянием на юге Европы. Король Фридрих Вильгельм IV и его правительство дали недвусмысленно понять союзникам, что «Пруссия ни при каких обстоятельствах не ввяжется в военный конфликт против русского императора»³.

В сложившейся обстановке Англия и Франция вынуждены были остановить свой выбор на Сардинском королевстве, по их мнению, более подат-

ливым и менее притязательным партнере, располагавшим к тому же боеспособной армией.

Что же представляло из себя это королевство в Европе на тот период и почему оно согласилось вступить в войну против России на стороне англо-французских союзников? Как известно, после краха империи Наполеона Бонапарта, по решению Венского конгресса (1814—1815 гг.) Италия была разделена на восемь государств. На северо-западе было вновь образовано Сардинское королевство, существовавшее еще с 1720 г. и включавшее в себя собственно Пьемонт, Лигурию и остров Сардиния; на северо-востоке — чисто австрийские владения — Ломбардо-Венецианская область (из Ломбардии и бывшей Венецианской республики). В центральной Италии — Великое герцогство Тосканское, герцогства Парма, Модена и Лукка, а также Папская область — клерикальное государство. На юге было создано Королевство обеих Сицилий, включавшее бывшее Неаполитанское королевство и остров Сицилия.

Подвляющая часть этих мини-государств находилась под сильным влиянием и гнетом Австрийской империи Габсбургов. После Венского конгресса Австрия добилась права держать военные гарнизоны в ряде городов Папского государства, а Королевству двух Сицилий она навязала союзный договор, позволивший ей влиять на внутреннюю и внешнюю политику правительства Неаполя. Таким образом, почти все государства Италии, за исключением Сардинско-Пьемонтского королевства, оказались в той или иной степени в зависимости от Австрии. Австрийская империя была главным противником единства и свободы Италии, поскольку обеспечивать свое господство и влияние она могла при условии сохранения политической раздробленности и существования в итальянских государствах проавстрийских ставленников.

Только в Сардинском королевстве правила «чисто итальянская» монархическая Савойская династия, представителем которой после отречения от престола Карло Альберта с марта 1849 г. стал его сын король Виктор Эммануил II. С 1850 г. в правительстве Сардинского королевства руководящую роль начал играть граф К. Кавур, неординарный политический деятель того времени, лидер умеренных либералов, активно выступавший за объединение Италии «сверху» под эгидой Савойской династии, за создание единого итальянского государства в форме конституционной монархии. После назначения премьер-министром, Кавур стал ориентировать внешнюю политику Сардинского королевства в его противоборстве против Австрии прежде всего на союз с Францией.

В экономическом отношении Пьемонтское королевство характеризовалось быстрым капиталистическим развитием: строились фабрики, заводы, прокладывались железные дороги (до 700 км), росло влияние буржуазно-помещичьих кругов, крепились экономические связи с основными европейскими странами.

Сардинско-Пьемонтское государство с населением свыше 5 млн человек, находившееся между постоянно соперничавшими Францией и Австрией, располагало по тем временам солидной регулярной армией и флотом, на содержание которых тратилось до $\frac{3}{4}$ бюджета, не раз помогавшим Савойской династии с 1720 г. сохранять свой трон и независимость Пьемонта как государственного образования. По итальянским военным данным того времени, сардинская армия и королевский флот в своем действующем составе имели: пехоту (20 полков, из них 18 пехотных и 2 гренадерских, а также корпус легкой пехоты — берсальеров из 10 батальонов); в мирное время — 48 батальонов до 35 тыс. человек и в военное — 67 батальонов до 57 тыс.; кавалерию: тяжелую (2 кирасирских и 2 уланских полка) и легкую (2 егерских, 2 гусарских и 1 жандармский полки) — в мирное время — 8,5 тыс., в военное — 74 эскадрона до 12 тыс. человек; артиллерию (2 полка, каждый из 3 полевых и 2 конных артбатареи по 8 орудий); в военное время — всего 16 артбатарей и 128 орудий; инженерные войска (полк из 2 батальонов, куда входили

3 саперные и 1 минная роты), всего — 1900 человек; обозные части (6 обозных дивизионов и 4 провиантских); службы: интендантская, строевая, медицинская, религиозная (военных капелланов). Королевский флот насчитывал несколько десятков боевых кораблей и судов как парусных, так и на паровой тяге (136 корабельных орудий, свыше 5000 моряков)⁴.

Пьемонтская пехота имела на вооружении гладкоствольные ружья со штыком, часть войск — нарезные штуцера с дистанцией стрельбы до 800 шагов. Вооружение кавалеристов состояло из сабли, кроме того, легкая кавалерия имела пику, а тяжелая — карабин. На вооружении артиллерии были 6 и 12-тифунтовые пушки и гаубицы (по 2 на батарею). Орудийная прислуга имела нарезные карабины, ездовые — пистолеты и сабли. Все ручное вооружение было пьемонтского производства, по доброкачественности оно не уступало французскому.

Обмундирование сардинской армии было простым, но щеголеватым, отвечало требованиям удобства в походе и прочности. Пехота и кавалеристы носили короткий мундир и шинель светло-серого сукна, брюки того же цвета, а также башлыки и кепи синего цвета. К артобмундированию из синего сукна полагался желтый воротник. Снаряжение — ранцевое: сухарные мешки, котелки, фляги, шинель. Патронные сумки вмещали до десяти патронов.

Перед Крымской войной сардинско-пьемонтская армия насчитывала 80 тыс. человек, резерв — 38 тыс. Она представляла собой недавно реорганизованную, хорошо вооруженную и подготовленную значительную военную силу. Имела опыт ведения, хотя и неудачный, первой итальянской войны за независимость против Австрии (1848—1849 гг.). Военная повинность распространялась на граждан без различия сословий и ограничений. Срок службы в войсках определялся в 8 лет и столько же в запасе.

К декабрю 1854 г. для Англии и Франции стало ясно, что им не удастся в ближайшем будущем открыто вовлечь в войну на своей стороне ни Австрию, ни Пруссию. Вот почему союзники стали усиленно «обрабатывать» Сардинское королевство, которому они в ноябре—декабре настоятельно предложили срочно выступить против России, направив 15-тыс. пьемонтский контингент в Крым, в обмен на финансовую и иную помощь и поддержку. Богатая и чванливая Англия готова была за счет своей казны получить этот итальянский контингент в полное распоряжение как наемных легионеров, вместо отправки на войну новых английских войск.

Сардинский король и правительство, сознавая какими негативными последствиями грозит им отказ двум европейским державам, были вынуждены согласиться на англо-французское предложение, стремясь, однако, извлечь из невыгодной для них ситуации максимум возможного. Кавур, политик и дипломат макиавеллиевской школы, преследуя главную цель — вывести Пьемонт в ранг полноценного европейского государства и в лидеры среди остальных итальянских государств, после сложных и острых переговоров поставил условием участия Сардинии в войне рассмотрение итальянского вопроса на послевоенном мирном форуме с присутствием на нем пьемонтского представителя на правах союзника. Кроме того, Кавур добился согласия Англии предоставить военный заем на организацию и подготовку сардинского экспедиционного корпуса в размере 1 млн фунтов стерлингов, перевозку его в Крым на английских судах, а от французского императора — понимание и покровительство намерениям Пьемонта объединить Северную Италию под эгидой Савойской династии путем военного ослабления там Австрии. Англия и Франция также совместно обязались обеспечить неприкосновенность сардинских владений от Австрии на период участия Пьемонта в Восточной войне⁵. Академик Е.В. Тарле отмечал, что «это было блестящим успехом дипломатической деятельности Наполеона III ... в январе 1855 г. он привлек к союзу Сардинское королевство неопределенными посулами помочь со временем отнять у Австрии Ломбардию и Венецию»⁶.

Это антиавстрийское условие Кавура, принятое французским императором, было крайне выгодно для Пьемонта и соответствовало его внешнеполи-

тическим планам. Хотя Кавур отдавал отчет в том, что его выполнение в отдаленном будущем, да еще таким известным «дипломатическим интриганом», каким являлся Наполеон III, вовсе не гарантировано. И все же сардинский премьер-министр, вопреки общественному мнению страны, принял решение на вступление в войну, на посылку пьемонтских войск в Крым, сумев убедить в этом и заручиться поддержкой самого короля. Тогда, в той сложной обстановке это более походило на «личную амбициозность титулованной особы, наделенной всей полнотой власти», на его «чисто политический авантюризм», как полагали сначала многие не только в Пьемонте, но и за рубежом.

10 января 1855 г. Сардиния подписала соглашение с Францией и Англией о присоединении к военному антироссийскому союзу; такое же соглашение было заключено с Турцией 15 марта 1855 года. Военная конвенция — приложение к данным соглашениям от 25 января 1855 г. предписывало Пьемонту «подготовить и выставить 15-тысячный сардинский корпус, пополнять его по мере убыли», а Англии — «перевезти их в Крым на английских судах», а также устанавливало скорейшие сроки его готовности и отправки ⁷.

Но только через месяц после острых дебатов и дискуссий Договор о военном союзе утвердила незначительным большинством голосов Палата депутатов, а еще через три недели — пьемонтский сенат. Многие из парламентариев не понимали, для чего нужна Сардинии война с Россией, с которой у нее нет никаких ни спорных, ни территориальных вопросов. Патриотические силы упрекали Кавура в «преступной трате и распылении военного потенциала армии, который так необходим для предстоящей антиавстрийской борьбы за объединение Италии» ⁸.

Особенной и неожиданной оказалась позиция, занятая в этой связи национальным героем объединения Италии Джузеппе Гарибальди, находившимся в то время из-за преследований Савойского двора в изгнании. В отличие от видного революционера-демократа Дж. Мадзини, Гарибальди поддержал решение Кавура о посылке пьемонтских войск в Крым, оправдывая это тем, что «Италия должна использовать любую возможность для утверждения своего флага на полях сражений и напоминать европейским державам факт своего политического существования» ⁹.

Тем временем военное министерство, возглавляемое генералом Альфонсо Ла Мармора, вело активную подготовку сардинского экспедиционного корпуса (сокращенно — СЭК, как его официально называли в документах) для отправки в Крым. Он срочно готовился путем отбора батальонов берсальеров, рот, эскадронов и батарей всех остальных видов вооруженных сил королевства. Не желая лишить ни одного своего армейского полка чести участвовать в Крымской кампании, Виктор Эммануил II распорядился послать на войну сводные батальоны, представляющие все полки. Так, каждый из 20 пехотных полков выделил по одному сводному батальону с присвоением ему номера того же полка, которые затем были сведены в пять пехотных полков (5-батальонного состава, из них 4 пехотных и 1 берсальеров), 5 бригад и 2 дивизии временного формирования с назначением в них отобранных командиров ¹⁰.

С самого начала было решено, что возглавит сардинский экспедиционный корпус представитель августейшей семьи — младший брат короля принц Фердинанд Савойский, герцог Генуи (1822 — 1855 гг.). Но в разгар подготовки корпуса он скоропостижно скончался в Турине 10 февраля в возрасте 32 лет. Тогда командующим СЭК король назначил опытного генерала Альфонсо Ла Мармора, который для выполнения этой миссии оставил пост военного министра в пьемонтском правительстве ¹¹.

Дивизиями в сардинском корпусе командовали: 1-й пехотной дивизией — генерал-лейтенант Дж. Дурандо, а входившими в ее состав 2-й пехотной бригадой — генерал-майор М. Фанти и 3-й пехотной бригадой — полковник (затем генерал-майор) Э. Чальдини; 2-й пехотной дивизией — генерал-лейтенант Алессандро Ла Мармора (после его смерти от холеры — генерал-лей-

тенант А. Тротти), входившими в ее состав 4-й пехотной бригадой — полковник (затем генерал-майор) Г. ди Монтевеккьо, а после его гибели в Чернореченском сражении — полковник Джустиниани; 5-й пехотной бригадой — полковник (затем генерал-майор) Ф. Моллард. Резервом и 1-й пехотной бригадой руководил генерал-майор Дж. Ансальди (после его смерти от холеры — генерал-майор Де Каверо). Старшим начальником 5 батальонов берсальеров был назначен подполковник Ди Сан Пьетро. Начальником артиллерии корпуса был полковник артиллерии В. ди Бондзо, которого сменил подполковник Кампана. Сводным временным кавалерийским полком из 5 эскадронов командовал полковник кавалерии Де Савуару. Старшим начальником саперных подразделений — подполковник Стальено, затем — майор Серра. Сардинскую морскую дивизию, базировавшуюся в Балаклавской бухте, возглавлял капитан 1 ранга О. ди Негро с походным штабом на флагмане — пароходо-фрегате «Карло Альберто». Сардинским комендантом порта в Балаклаве был назначен флотский старший лейтенант Витторио Ла Мармора, с размещением на судне «Де Дженеус»¹².

Впервые после Крымской войны мы имеем возможность ознакомиться с достоверными и наиболее полными данными по численному составу и вооружению Сардинского экспедиционного корпуса по самим итальянским первоисточникам, опубликованным еще в 1857 г. в Турине под редакцией Пьемонтского генерального штаба. Они свидетельствуют о том, что в состав СЭК с его 27 батальонами (из них 25 пехотными, 6 артбатареями, 5 кавалерийскими эскадронами) также входил солидный армейский обоз (1102 чел.) — интендантская, строевая, санитарно-медицинская службы и служба капелланов (военных священников). Последние две службы насчитывали 502 чел. Корпус также включал дивизию сардинского королевского флота из 18 вымпелов (11 кораблей и 7 судов), с экипажами в 2574 офицера и матроса и 126 корабельными орудиями на борту¹³.

Таким образом, в составе первой экспедиции СЭК, отправленной в Крым в мае 1855 г., насчитывалось 18 061 военнослужащий армейских подразделений, в том числе 1038 офицеров; а всего, с учетом флота, 20 635 человек. В целом, учитывая вторую отправку пьемонтских подкреплений (ноябрь 1855 г.), в Крыму находились 24 082¹⁴ подданных сардинского королевства, а не 15—18 тыс., как было принято считать у нас все эти годы. Простой анализ приведенных впервые данных с общей численностью сардинской армии и флота того времени свидетельствует, что Савойская монархия придавала важное значение максимальному участию Сардинии в Крымской войне, отправив на Восток до 1/4 пьемонтской армии и, видимо, более половины своего небольшого королевского флота. Но последний, незначительный по сравнению с флотами союзников и не имевший транспортов, был не в состоянии срочно перебросить на Восток такое количество войск и снаряжения. Поэтому по военной конвенции почти вся транспортировка пьемонтского корпуса в Крым была возложена на английский флот.

С середины апреля 1855 г., по мере подхода английских транспортов, шла отправка из Генуи соединений сардинских войск на Восток. Она была омрачена первыми не боевыми, но фактическими потерями в личном составе. Так, 24 апреля в нескольких милях от порта в результате пожара и взрыва котлов затонул английский паровой транспорт «Крезус», имея на борту 37 сардинских офицеров и 270 солдат-саперов, группу сестер милосердия, значительное количество тылового и медицинского обеспечения на целый месяц нахождения всего корпуса в Крыму. Вместе с ним также потерпел крушение и буксируемый им транспорт «Педестриан», груженный боеприпасами. Людские потери погибшими и утонувшими в результате крушения обоих судов составили 27 пьемонтских унтер-офицеров и солдат, 1 английский моряк и одна рыбацка-итальянка, пытавшаяся на своей лодке помочь терпящим бедствие. Потеря этих транспортов с важным грузом «лишила корпус необходимых средств по созданию в Крыму первых тыловых складов, лазаретов и госпиталей»¹⁵. Всего же в 1855 г. «английские военные суда и транс-

порты доставили из порта Генуя к берегам Крыма 19300 сардинцев, 3325 сардинских лошадей и мулов и сардинского груза 4298 т»¹⁶.

До сих пор в наших исторических и страноведческих изданиях вопрос о подчиненности Сардинского корпуса командующему английской армии в Крыму не подвергался сомнению, тем более, что акад. Тарле также поддерживал это утверждение. Ознакомление с сардинскими изданиями свидетельствует, что это не совсем так. Хотя, еще при убытии из Генуи в Крым командующий СЭК генерал Ла Мармора в марте 1855 г. действительно не имел точных инструкций по поводу отношений с союзным командованием, особенно английским. При прощании командующий корпусом спросил у Кавура: «Так Вы хотите дать мне инструкции или нет?». На что получил краткий, но ободряющий ответ, который можно перевести, как «Изворачивайся, действуй по обстановке!». К этому следует добавить, что 20 февраля Наполеон III на одном из приемов в приватной беседе признался сардинскому генералу в том, что он сам не понимает, кто командует среди союзников. Поэтому генерал Ла Мармора с прибытием в Балаклаву сразу стал отвергать намерения английского командующего Раглана давать ему приказания и выполнял только совместные союзные решения. Пьемонтский генерал своим обходительным поведением быстро нашел нужную форму общения и «вскоре стал вести себя на равных на совещаниях объединенного командования» и с французским генералом Пелисье, английским лордом Рагланом, и турецким Омер-Пашой¹⁷. Так, без четкого выяснения отношений подчиненности, англичане в целом смирились с тем, чтобы сардинский корпус в Крыму имел свою автономию в управлении, которую генералу Ла Мармора удалось сохранить до конца кампании.

С начала высадки сардинского корпуса в Балаклаве (9 мая 1855 г.) пьемонтские войска располагались временным лагерем в окрестностях Карани (ныне Флотское). Штаб-квартирой командующего корпусом генерала Ла Мармора был двухэтажный особняк в Кадии-Кое (ныне Кадыковка в составе Балаклавы). Для обеспечения оперативного взаимодействия с англо-французским командованием при штабе СЭК находились по одному старшему английскому (полковник Кадоган) и французскому (капитан Дука ди Дино) офицеру — военному комиссару. Одновременно на паритетной основе в штабы английской и французской армий с этой же целью были назначены сардинские капитаны-артиллеристы Дж. ди Ревель и Ди Сан Марцано соответственно, что также свидетельствовало об автономности пьемонтского штаба¹⁸.

Еще до прибытия пьемонтского корпуса в Крым при штабе английской армии находились два сардинских военных представителя: штабной капитан Дж. Говоне и кавалерист младший лейтенант Дж. Ландрионе. Оба приняли участие в Балаклавском сражении 13 (25) октября 1854 года. Причем последний, по его личной просьбе, в составе английской легкой бригады кавалерии принял участие в их известной безумной «атаке шестисот». В ней он был тяжело ранен, попал в плен к русским артиллеристам, 10 месяцев находился на излечении в госпитале Симферополя, затем отправлен в Петербург, где был представлен царю Николаю I, который «дал милостивейшее разрешение на освобождение из русского плена и возвращение в Пьемонт с условием не принимать участие в Крымской войне против русских под его честное офицерское слово». Дж. Говоне также принимал участие в Балаклавском сражении. С прибытием под Севастополь Сардинского корпуса, Говоне, уже в чине майора, стал старшим офицером штаба корпуса. Много сделал по формированию и подготовке пьемонтского корпуса в Крым. Отличился в Чернореченском сражении, был ранен. После Крымской войны, возвратившись в Пьемонт, сделал блестящую военную карьеру, в 1870 г. став военным министром объединенной Италии¹⁹.

Прибытие весной 1855 г. крупных военных подкреплений союзникам, в том числе и Сардинского корпуса, вынудило русское командование во второй половине мая скрытно сняться с занимаемых русской армией позиций под Балаклавой и отойти к Мекензиевым горам, чем не замедлили восполь-

зоваться союзники. Этот наступательный маневр коалиционных сил (французов, англичан, турок и сардинцев) по занятию новых позиций прошел в целом без открытого боевого столкновения воюющих сторон 13 (25) мая.

С конца мая 1855 г. и до заключения мира передовые позиции сардинских войск находились вдоль старой Воронцовской дороги: 2-й пехотной дивизии — справа, 1-й пехотной дивизии — слева от Камары (ныне Оборонное) по южному склону горы Гасфорт; резервной бригады — к югу от Воронцовской дороги в окрестностях Камары, кавалерийского полка — на южном склоне высоты Канробер; обозных частей и служб корпуса — на возвышенностях между Кады-Коем и Балаклавой. На вершине горы Гасфорт в сжатые сроки пьемонтскими саперами было построено оборонительное сооружение «Сардинский наблюдательный пункт», а на правом берегу р. Черная — глубоко выдвинутый к русским укреплениям передовой пост-редут (ит. название «Зиг-Заг») на северных отрогах скалистой Телеграфной горы ²⁰.

Англо-французское командование, не желая делиться плодами возможной победы, с самого начала отвело сардинцам в боевых действиях под Севастополем второстепенную, вспомогательную роль сдерживания извне сил русской армии со стороны Мекензиевых гор. Вот почему пьемонтские войска принимали участие не в каждом «деле» и сражении и, по сравнению с союзниками, воевавшими в Крыму с 1854 г., имели относительно малые потери, особенно боевые ²¹.

Обобщенный анализ опубликованных источников, в том числе сардинских и итальянских, позволяет сделать вывод, что подразделения и части сардинского экспедиционного корпуса в Крымской войне в 1855—1856 гг. принимали участие в следующих боевых действиях и мероприятиях:

— 13 (25) мая 1855 г. — в наступательном маневре союзных войск (свыше 40 тыс.) под Севастополем в районе Балаклавы и занятии ими новых боевых позиций вдоль Черной речки. Сардинская 1-я пехотная дивизия генерала Дурандо в составе двух бригад генералов Ансальди и Фанти, трех кавалерийских эскадронов и двух артбатарей (до 7 тыс.), возглавляемая командующим СЭК, снявшись утром с временных позиций у Корани (ныне Флотское), заняли почти без сопротивления возвышенности и селения Камары (ныне Оборонное), гору Гасфорт на левом и гору Телеграфную на правом берегу р. Черная. В результате этого маневра союзные войска с незначительными потерями заняли высоты левого берега р. Черная: французы — Федюхины высоты; сардинцы — гору Гасфорт, селение Камары и его окрестности; англичане — возвышенности восточнее Балаклавы, что послужило началом создания и укрепления ими союзного так называемого «Обсервационного корпуса»;

— 22 мая (3.06) — в глубокой разведке в Байдарскую долину совместно с французами. Два сардинских батальона бригады резерва генерала Ансальди, 7-я артбатарея и один эскадрон кавалерии, перейдя Варнутку, пройдя Чоргун, вышли к высотам Киркакайаси. Русские передовые посты казаков, не ввязываясь в бой, отступили под прикрытие основных сил. Сардинцы затем, соединившись с колонной войск французов, возвратились на исходные позиции;

— 5 — 11 (17 — 23) июня — в демонстративно-наступательных действиях союзников (до 25 тыс. чел.) на второстепенном направлении под командованием французского генерала Боске в районы Шули и Каралезского ущелья, в то время как основным атакующим направлением союзников являлся штурм Корабельной стороны Севастополя 6 июня. Сардинский корпус почти в полном составе по построенному накануне пьемонтцами мосту, перешел на правый берег р. Черная и занял высоты справа от Шули. Командующий корпусом генерал Ла Мармора обосновался в Чоргуне. После неудачного штурма союзниками Корабельной стороны английская кавалерия совместно с сардинской и тремя пьемонтскими батальонами из бригады генерала Фанти совершили рекогносцировку в район Айтодора. 11 (23) июня сардинцы, после небольшой стычки с казаками возвратились на исходные позиции, кроме батальона берсальеров, оставленного на пьемонтском аванпосту «Зиг-Заг» на Телеграфной горе;

— 4 (16) августа — в Чернореченском сражении, совместно с союзниками. Сардинские берсальеры двумя батальонами (до 300 чел.) приняли на себя первый натиск левой колонны русских войск на Телеграфной горе. Генерал Липранди выбил сардинцев с их передового поста-редута «Зиг-Заг», занял гору в готовности продолжить наступление на позиции 1-й и 2-й сардинских дивизий на горе Гасфорт. Но главнокомандующий русской армией в Крыму генерал Горчаков приказал войскам Липранди сменить позиции и атаковать французов справа на Федюхиных высотах. Воспользовавшись этим, пьемонтцы удачными действиями своей артиллерии и пехоты сумели не только восстановить положение, но и прийти на помощь французам на их правом фланге у подножья Федюхиных высот в районе Каменного (Трактирного) моста.

С подходом резервов союзников, и, видя бесполезность дальнейшей борьбы, Горчаков приказал русским войскам отойти назад за речку Черная. Это сражение явилось по сути и единственным, в котором сардинский экспедиционный корпус принял активное участие и получил «боевое крещение». По уточненным сардинским данным, их потери на Черной речке составили: «убитыми 14, в том числе 2 офицера; ранеными 170 из них 13 офицеров, без вести пропавшими — 2. Всего: 186 пьемонтских военнослужащих. Из тяжело раненых солдат 14 умерли в госпитале, а из офицеров — генерал Монтевеккьо, командир 4-й пехотной бригады, смертельно раненный в грудь». По французским данным, все потери союзников в Чернореченском сражении «заклучались в 196 чел. убитых и 1551 раненых, из них французов — 70 офицеров и 1470 нижних чинов. Сардинцы лишились 200 чел. убитыми и ранеными, в т.ч. генерала графа Монтевеккьо, павшего во главе своей бригады»²³;

— 27 августа (8 сентября) — в решающем штурме Севастополя союзниками. 3-я пехотная бригада генерала Чальдини (численностью 1200 чел.), по личной инициативе командующего СЭК генерала Ла Марморя, находилась в боевых порядках 1-го французского корпуса генерала Де Салле с задачей совместно с французами «атаковать и захватить 4-й (Мачтовый) бастион». Но с падением Малахова кургана приказ на атаку 4-го бастиона был отменен главнокомандующим союзными войсками генералом Пелисье «во избежание ненужных потерь».

В своем донесении французскому императору о результатах штурма Пелисье сообщил: «Сардинская бригада генерала Чальдини, которую генерал Ла Мармора предоставил в мое распоряжение для усиления нашего 1-го Армейского корпуса, выдержала истребительный огонь русских и, находясь в наших траншеях, вынесла все трудности со стойкостью опытных войск. Пьемонтцы горели желанием вступить в бой, но атака на 4-й бастион не состоялась, и не было возможности удовлетворить боевой порыв этих доблестных солдат».

И все же «сардинцы, находясь в передовых траншеях перед 4-м бастионом, в день штурма потеряли 41 чел., из них 4 рядовых убитыми, 5 офицеров ранеными». На следующий день после штурма бригада Чальдини возвратилась в свое прежнее расположение у горы Гасфорт. Флагман дивизии королевского флота Сардинии пароходо-фрегат «Карло Альберто» занимал боевую диспозицию в составе кораблей союзных флотов на внешнем рейде Севастополя, в готовности «вести с моря обстрел городских укреплений и Севастопольской бухты»²³;

— в сентябре-октябре — в частых разведывательных рейдах (самостоятельно и совместно с союзниками) на южное побережье до Байдарской долины и Ай-Тодора. Одной из задач этих рейдов являлся поиск путей прохода союзных войск на плато Бельбек для выхода в тыл к находившимся там русским силам.

В целях восстановления боеспособности корпуса от понесенных за 6 месяцев значительных потерь (болезни, тяготы войны, боевые потери) в середине ноября из Пьемонта прибыло пополнение в 3447 военнослужащих.

На февраль 1856 г. численность сардинских войск под Севастополем составляла 17231 человек, из них 7% — больные ²⁴.

С заключением перемирия и прекращением боевых действий в начале 1856 г. командующий СЭК генерал Ла Мармора отдал приказ о приведении в должный порядок и ограждении всех временных сардинских кладбищ и захоронений, а также о возведении памятников погибшим пьемонтцам на крымской земле. Такой приказ был действительно необходим и своевременен, поскольку в войсках сардинцев, как и остальных союзников, еще с момента прибытия началась сильная эпидемия тифа, холеры и цинги. Потери от нее на порядок превышали боевые.

Так, уже на 4 июня 1855 г. холерой болело 530 пьемонтцев и умерло 226. В этот день почувствовал сильное недомогание командир 2-й пехотной дивизии сардинцев генерал Алессандро Ла Мармора, а через три дня врачи констатировали его смерть от холеры. В июне месяце болели 2187 сардинских солдат, 931 из которых умер. Всего, по итальянским данным, в СЭК за время нахождения в Крыму заболело холерой 2728 человек и умерло 1230 (среди которых 2 сардинских генерала — Алессандро Ла Мармора и Дж. Ансальди), тифом — 647, из них умерло 184, в т. ч. 11 военных медиков; цингой заболел 901 человек, из которых 12 — с летальным исходом. Таким образом, всего от эпидемических болезней по сардинским данным, под Севастополем умерло 1426 сардинских военнослужащих ²⁵.

Основной памятник — братская могила (сакрарий) — был воздвигнут пьемонтцами в Балаклаве весной 1856 г. на склоне горы Спилия, неподалеку от находившегося там одного из сардинских кладбищ. В нем находились до 1882 г. останки трех сардинских генералов и других погибших офицерских чинов, перенесенные затем на открытое итальянское кладбище на горе Гасфорт. На своих четырех гранях (по сторонам света) и западном фасаде основания он имел 11 памятных гранитных плит с посвящением каждому из погибших пьемонтских генералов, а также офицерам практически всех родов войск сардинского корпуса. Другой временный пирамидальный памятник с католическим крестом был построен сардинцами из подручных материалов и каменных блоков в расположении 3-й пехотной бригады на горе Гасфорт. На одном из его центральных блоков была высечена памятная надпись: «В честь погибших пьемонтцев 3-го пехотного полка установили этот памятник 17 апреля 1856 г. товарищи по оружию, доверив его вчерашним врагам, сегодняшним друзьям — солдатам России» ²⁶.

Еще один памятник павшим сардинцам в Крымской войне был сооружен в турецком Ени-Кое (пролив Босфор) неподалеку от размещавшегося там крупного пьемонтского госпиталя и кладбища.

При осмотре Балаклавы, ее древних генуэзских укреплений, командующий СЭК распорядился об отправке в Геную нескольких старинных мраморных плит с латинскими текстами периода генуэзского господства. За это мэрия Генуи не замедлила выразить официально генералу Ла Мармора «глубокую признательность города и его жителей».

Перед убытием из Крыма англо-французское командование 17 апреля устроило на мысе Херсонес пышный военный парад, в котором участвовали 50 тыс. французских и 30 тыс. английских войск, и прием в честь главнокомандующего русской армией. Сардинские подразделения в нем участия не принимали (хотя официально были также приглашены), сославшись на срочную подготовку к убытию и ведущуюся погрузку на суда ²⁷.

Однако командующий СЭК генерал Ла Мармора 19 апреля организовал в лагере пьемонтцев отдельный прием для командира и штаба 17-й русской дивизии генерала Веселитского, противостоявшей им на Черной речке. «Сардинский главнокомандующий генерал Ла Мармора удостоил нас особого внимания, — отмечал участник этого приема офицер П. Алабин, — он предложил осмотреть его корпус и после осмотра пригласил нас на обед ... Размещение их лагеря (2-й дивизии генерала Тротти) несравненно лучше французского и английского: всюду удивительная чистота... Лагерь раски-

нут по горам: по ребрам ущелий лепятся швейцарские хижины и являются красивые пьемонтцы с перьями в шляпах. По дну ущелья излучисто вьется речка Черная, а далее взору открывается широкая Инкерманская долина... У солдат устроены землянки на манер наших. Эти жилища чисты, уютны и красивы снаружи и внутри. Про офицерские балаганы и говорить нечего — совершенные игрушки... Над дверьми многих... красуется девиз их хозяина... Один недостаток в сардинских жилищах: нет печек — говорят, никто не умеет делать, и потому в балаганах камины, а от них не может быть большого тепла... Но особое наше внимание привлекло... отличное военное образование Берсальерии — егерей сардинской армии, одетых в живописные удивительные костюмы и исполняющих как по нотам все употребительные в бою стрелковые маневры... В приемной генерала (в Кады-Кое) множество журналов и газет на различных языках. Он принял нас очень приветливо, просил быть у него без церемоний; штаб его, особенно начальник штаба подполковник граф Петити ди Рорето обворожил нас... Вообще сардинцы любезнее с нами французов и англичан: они как будто осознают неправоту своего вмешательства в эту войну, не имеющую у них, как видно, популярности... Пьемонтцы говорят, что если они и приняли участие в этой войне, то единственно с надеждами, что Австрия потянет на нашу сторону (т. е. выступит на стороне России. — *В.М.*) и пойдет против союзников, — тогда они будут иметь возможность вновь помериться с нею силами и может быть одолеть ее и, расширив границы своего маленького государства, утвердить за собою в семье европейских держав место, которое Сардинии по своему нравственному развитию вполне достойно. «Не удалось теперь, — откровенно говорят сардинцы, — еще подождем, до поры до времени»²⁸. Через день пьемонтскому командованию был устроен на Мекензиевых горах не менее радушный ответный русский прием.

Накануне убийства из Крыма генерал Ла Мармора нанес русскому командованию последний прощальный визит и 19 мая 1856 г. на пьемонтском фрегате «Говерноло» навсегда покинул Балаклаву.

С подписанием мирного договора в Париже 30 марта 1856 г. сардинский корпус поэтапно на английских и пьемонтских судах возвратился на родину. После торжественной встречи и парада на Марсовом поле в Турине 15 июня, где король Виктор Эммануил II поблагодарил войска и командующего корпусом (получившего в апреле звание генерала армии) за «проявленные отвагу, стойкость и дисциплинированность на поле боя в Крыму, полностью оправдавшие надежды страны и доверительные ожидания союзников». Все-му личному составу на нем были вручены памятные английские медали «За участие в Крымской войне», которые королева Англии Виктория любезно предоставила Сардинии и ее военному ведомству «в знак признательности союзниками пьемонтских заслуг в Восточной войне»²⁹.

Кстати, именно эта английская медаль явилась впоследствии главным нагрудным отличием сардинского воина за участие в Крымской войне, поскольку изготовленная позже сардинская памятная медаль была вручена участникам так называемой «второй экспедиции», т. е. пополнению, прибывшему в Крым в ноябре 1855 г. уже после завершения основной фазы боевых действий. Вполне объяснимо, что она уже не имела той памятной ценности и равнозначности, какой стала обладать в Пьемонте, а затем и объединенной Италии после 1861 г. английская награда.

С 16 июня 1856 г. сардинский экспедиционный корпус приказом короля и военного ведомства был расформирован и прекратил свое существование. Но его временные подразделения вновь влились в прежние действующие части пьемонтской армии и флота, «поддерживая в них высокий моральный дух, военную закалку и боевые традиции, полученные в ходе Крымской кампании»³⁰.

Вопрос о потерях СЭК в Крымской кампании до последнего времени оставался недостаточно проработанным по причине отсутствия публикаций и ссылок на итальянские издания. В результате их изучения и анализа можно

считать более достоверными следующие данные. Общие потери — 2200 сардинских военнослужащих, из них: умершие в госпиталях, всего — 1736 человек; умершие от холеры, тифа, цинги — 1426 человек, в том числе 54 офицера, из них два генерала: Алессандро Ла Мармора и Дж. Ансальди; крушение транспорта «Крезус» — 27 человек. Боевые потери: убито всего 19 пьемонтцев (2 офицера); ранено 207 (13 офицеров), из них скончались в госпитале 15 человек, в том числе генерал Габриэлли ди Монтевеккьо.

Как свидетельствует итальянская новейшая история, именно Сардинское королевство (ставшее неожиданно для многих союзником Франции, Англии и Турции) после Крымской войны оказалось, как ни странно, в большем политическом выигрыше по сравнению с другими европейскими государствами. И главная заслуга в этом, как утверждается в итальянской историографии, заключается «в прозорливости и гениальной активной политической и дипломатической деятельности великого патриота графа К. Кавура, усмотревшего в посылке пьемонтских войск на Восток возможность поднять и утвердить политический престиж Сардинского королевства не только на Апеннинском полуострове, но и в Европе»³¹.

Участие Пьемонта в войне, и, как прямое следствие, на мирном конгрессе в Париже, действительно повысило политический вес и статус Сардинского королевства до уровня полноценного европейского государства. Впервые его полномочный представитель граф Кавур присутствовал на заседаниях конгресса на равных с представителями таких европейских держав как Франция, Англия, Австрия, Россия, Турция. Однако выдвинутое им в кулуарах конгресса требование о присоединении к Сардинскому королевству герцогств Парма и Модена в качестве компенсации за участие в войне не нашло поддержки.

Но на одном из последних заседаний, состоявшемся по просьбе Кавура, ему удалось поднять перед участниками «итальянский вопрос» (тяжелое положение, в котором находилось население Ломбардии, Венеции, Южной Италии под австрийским гнетом). Он представил всем итальянскую проблему, как требующую неотложного разрешения не столько по причине оказанной Пьемонтом поддержки союзникам в Крыму, сколько «по необходимости обеспечить права самоопределения народов от давления Австрии не только на Балканах». В то же время Кавур сумел дать понять европейским державам, что Пьемонт, ставя перед всеми эту проблему, стремится к ее решению, умест и будет действовать.

Выступление сардинского представителя получило поддержку Франции и Великобритании и имело широкий европейский резонанс. Еще больший успех и поддержку оно нашло среди самых широких кругов других итальянских государств, подтвердив роль Сардинского королевства, как неоспоримого лидера в ширившейся новой волне национально-освободительного движения на Апеннинском полуострове, что в конечном счете уже через 5 лет привело (не без помощи Франции и Англии) к образованию 17 марта 1861 г. объединенного Итальянского королевства и провозглашению Виктора Эммануила II королем Италии.

Сформировавшаяся и утвердившаяся среди итальянцев точка зрения о том, что участие Пьемонта в Крымской войне (и в Чернореченском сражении) является одним из краеугольных камней возрождения единой, свободной и независимой Италии остается неизменной и в наше время. Это подтвердила и состоявшаяся в 1997 г. в Турине выставка Национального исторического музея Артиллерии, посвященная 150-летию Крымской войны. Благодаря обширному подбору экспонатов и документов, опубликованному подробному каталогу, она имела огромный международный успех.

Символичным было само название выставки: «Севастополь. Крымская война», с не менее важным подзаголовком: «Пьемонт — равный среди европейских Держав».

1. МИЛОШЕВИЧ Н.С. Из записок севастопольца. СПб. 1904, с. 233.
2. WOODHAM-SMITH C. Balaclava. La carica dei 600. Milano. 1981, p. 299.
3. ТАРЛЕ Е.В. Крымская война. Т. 2. М.-Л. 1959, с. 293.
4. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб. 1908, с. 680—682; MANFREDI C. Spedizione Sarda in Crimea nel 1855—56. Roma. 1896, p. 23.
5. MANFREDI C. Op. cit., p. 275.
6. ТАРЛЕ Е.В. Ук. соч. Т. 2, с. 315.
7. MANFREDI C. Op. cit., p. 276.
8. Ricordo pittorico militare della spedizione Sarda in Oriente. Torino. 1884, p. 113.
9. Enciclopedia italiana. Treccani. Vol. XVI. Milano. 1932, p. 393.
10. MANFREDI C. Op. cit., p. 175.
11. В Крымской войне принимали участие 3 родных брата семьи маркизов Ла Мармора, близкой к пьемонтскому двору (по старшинству: Алессандро, Альфонсо, Витторио). Ricordo pittorico militare, 1884, p. 27.
12. Ricordo pittorico militare, 1857, p. 24—25.
13. Ibid. 1884, p. 6.
14. Ibid. 1857, p. 6.
15. Ibid. 1884, p. 12.
16. Морской сборник, 1856, № 8, часть V, с. 59.
17. MANFREDI C. Op. cit., p. 74, 238.
18. Ricordo pittorico militare, 1857, p. 5.
19. Sebastopoli. La guerra di Crimea. Catalogo dell' esposizione. Torino. 1997, p. 167, 169.
20. Ricordo pittorico militare, 1857. p. 11, 12.
21. Каждый, кто посещает Севастопольскую панораму, посвященную I-й обороне главной черноморской военно-морской базы в Крымской войне, знакомится с одним из важных ее событий — успешным героическим отражением защитниками города его штурма 18 (6) июня 1855 года. Но на художественном полотне Ф.И. Рубо имеется одно историческое несоответствие, о котором догадываются немногие. Оно заключается в том, что в действительности во время штурма союзниками Корабельной стороны города сардинские войска, показанные на полотне панорамы, участие не принимали. Они не входили в состав осадной франко-английской группировки, а выполняли в это время отвлекающие, демонстративно наступательные действия вдали от Севастополя, в районе Шули на второстепенном направлении.
22. MANFREDI C. Op. cit., p. 179; GUERIN L. Histoire de la dernière Guerre de Russie 1853—1856. P. 1858, p. 382.
23. MANFREDI C. Op. cit., p. 202, 198.
24. Ricordo pittorico militare, 1884, p. 19.
25. Sebastopoli, p. 106.
26. Ricordo pittorico militare, 1884, p. 20; Sebastopoli, p. 98.
27. Ricordo pittorico militare, 1884, p. 21.
28. АЛАБИН П. Четыре войны. Походные записки. Ч. III. СПб. 1891, с. 435—438.
29. Ricordo pittorico militare, 1884, p. 23.
30. Ibid., p. 22.
31. Enciclopedia italiana. Treccani. Vol. IX. Milano. 1933, p. 583.